

ВИЗАНТИЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ МИР
В СРЕДНИЕ ВЕКА
BYZANTIUM AND THE MEDITERRANEAN WORLD
IN THE MIDDLE AGES

DOI 10.15826/izv2.2020.22.1.001
УДК 94(37) + 2-4 + 2-741

М. В. Грацианский
*Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет*
Москва, Россия

**ЮРИСДИКЦИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА
В ВОСТОЧНОМ ИЛЛИРИКЕ
ПО ДАННЫМ «ФЕССАЛОНИКСКОГО СОБРАНИЯ»**

Статья посвящена изучению обстоятельств проведения в Риме в декабре 531 г. нескольких заседаний, посвященных рассмотрению дела Стефана, митрополита города Лариссы в Фессалии. В присутствии римского папы Бонифация II (530–532) представитель Стефана Феодор, епископ города Эхина, зачитал направленные понтифику Стефаном и его сотоварищами жалобы на действия константинопольского патриарха, по суду которого Стефан был низложен. Послания Стефана и его коллег вошли в акты, которые вместе с приложенными к ним письмами римских пап епископам Иллирика IV–V вв. стали частью сборника, известного в науке как «Фессалоникское собрание» (*Collectio Thessalonicensis*). Задачами данной статьи является изучение актов заседаний 531 г. с целью выяснения их церковно-правового статуса, исследование обстоятельств и канонических оснований дела Стефана Ларисского, а также роли и места константинопольского патриарха как в деле митрополита Ларисского, так и в Иллирике в целом в указанный период. Автор приходит к заключению, что заседания декабря 531 г. в папской курии не имели статуса собора, несмотря на то, что в историографии они называются исключительно так. Далее делается вывод о том, что дело Стефана Ларисского является классическим делом против митрополита, регулируемым 9-м и 17-м канонами Халкидонского собора, согласно которым подобное дело должен был рассматривать константинопольский архиепископ, а также императорским законодательством. Из того факта, что законный приговор столичного предстоятеля, вынесенный в отношении фессалийского митрополита, имел окончательную форму, апелляция Стефана в Рим была неканонической и не имела церковно-правовых последствий.

Ключевые слова: «Фессалоникское собрание»; Стефан Ларисский; Феодор Эхинский; папа Бонифаций II; 9-й канон Халкидонского собора; 17-й канон Халкидонского собора; апелляция в Рим

Цитирование: Грацианский М. В. Юрисдикция константинопольского патриарха в Восточном Иллирике по данным «Фессалоникского собрания». DOI 10.15826/izv2.2020.22.1.001 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 1 (196). С. 11–28.

Поступила в редакцию 15.09.2019

Принята к печати 26.12.2019

Mikhail V. Gratsianskiy

St Tikhon's Orthodox University
Moscow, Russia

JURISDICTION OF THE PATRIARCH OF CONSTANTINOPLE IN EASTERN ILLYRICUM ACCORDING TO *COLLECTIO THESSALONICENSIS*

This article examines the circumstances associated with several sessions held in Rome in December 531 considering the case of Stephanus, Metropolitan of Larissa in Thessaly. In the presence of Pope Boniface II (530–532), the representative of Stephanus Theodore, bishop of the city of Echinus, read out the complaints sent by Stephanus and his associates to the pontiff against the actions of the Patriarch of Constantinople, by whose judgment Stephanus had been deposed. The letters of Stephanus and his colleagues were enclosed with the acts, which, together with the letters of the popes directed to the bishops of Illyricum between the 4th and 5th centuries attached to them, made up a collection known as the *Collectio Thessalonicensis*. The purpose of this article is to study the acts of the aforementioned sessions in order to clarify their ecclesiastical status, to investigate the circumstances and canonical foundations of the case of Stephanus of Larissa, as well as the role of the Patriarch of Constantinople both in the case of the Metropolitan of Larissa and in Illyricum as a whole during the period. The author concludes that the sessions of December 531 in the papal *curia* were not a council, despite the fact that in the secondary literature they are called exclusively that way. It is further concluded that the case against Stephanus of Larissa is a classic case against a Metropolitan, regulated by canons 9 and 17 of the Council of Chalcedon, according to which the Archbishop of Constantinople should consider such a case, as well as by the imperial legislation. Since the legal sentence of the prelate of the capital against the Thessalian metropolitan was final, Stephanus' appeal to Rome was uncanonical and had no legal consequences.

Keywords: *Collectio Thessalonicensis*; Stephanus of Larissa; Theodore of Echinus; Pope Boniface II; Canon 9 of the Council of Chalcedon; Canon 17 of the Council of Chalcedon; appeal to Rome

For citation: Gratsianskiy, M. V. (2020). Iurisdiksiia konstantinopol'skogo patriarkha v Vostochnom Illirike po dannym "Fessalonikskogo sobraniia" [Jurisdiction of the Patriarch of Constantinople in Eastern Illyricum according to *Collectio Thessalonicensis*]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 1 (196), 11–28. doi: 10.15826/izv2.2020.22.1.001

Submitted: 15.09.2019

Accepted: 26.12.2019

В истории папства V–VI вв. заметное место занимает сюжет, связанный с предположительным существованием папского «Фессалоникского викариата» — особой церковно-административной структуры, явившейся проекцией папского властного первенства на территории Восточного Иллирика¹.

Вплоть до VIII в. митрополии Восточного Иллирика балансируют между двумя крупнейшими церковными центрами Запада и Востока — Римом и Константинополем и, кроме того, до 535 г. находятся в определенной степени зависимости от столицы префектуры Иллирика — Фессалоники. При Юстиниане (527–565) церковно-политическое положение Иллирика было стабилизировано посредством основания города Первой Юстинианы, в который была перенесена резиденция префекта претория и учреждена автокефальная церковь [Markus; Turlej, p. 47–86]. В иконоборческий период территории Восточного Иллирика, еще находившиеся под имперским контролем, в церковном отношении были подчинены патриарху Константинополя [Grumel, 1950–1951; 1951–1952; Anastos; Brandes, p. 187–201].

При папе Николае I (857–867), в период глубокого кризиса в отношениях между церквями Рима и Константинополя, римский престол внезапно выдвинул требование возвращения церквей Восточного Иллирика под юрисдикцию римского папы [MGH, p. 438–439]. Именно тогда на свет появляется «Фессалоникское собрание» (*Collectio Thessalonicensis*)² — досье, которое было призвано служить аргументом в споре между Римом и Константинополем из-за Восточного Иллирика, поводом к которому послужил болгарский вопрос [Maassen, p. 766–767; Schwartz; Kéry, p. 40–41; Jasper, Fuhrmann, p. 81–83, 106 *et passim*].

«Фессалоникское собрание» представляет собой в своей первой части акты церковного собрания, состоявшегося в Риме при папе Бонифации II (530–532) в декабре 531 г. Эти акты отражали подачу папе несколькими фессалийскими епископами и клириками челобитных, в которых содержалась жалоба на константинопольского патриарха Епифания (520–535) в связи с низложением последним Стефана — митрополита Лариссы, главного города Фессалии. К актам в качестве завершающей части прилагаются 27 посланий, содержащих

¹ Историографический обзор и библиография [Lotter, Bratož, Castritius, p. 7–30; Moreau, 2017; Грацианский, 2020].

² Современное критическое издание — [Coll. Thess.].

в большинстве своем письма римских пап иллирийским епископам и, прежде всего, епископу Фессалоникскому, составленные в конце IV — середине V в.

Современный этап научно-критического изучения данного собрания начался в 1891 г. с публикации Иоганном Фридрихом статьи, в которой автор признал подложность «Фессалоникского собрания» [Friedrich]. Весьма ценным для изучения вопроса подлинности «Фессалоникского собрания» представляется вклад отечественного исследователя П. И. Лепорского, опубликовавшего по данной теме монографическое исследование, во многом опровергающее выводы И. Фридриха. В недавнее время германскими исследователями вновь был поставлен вопрос о необходимости дальнейшего изучения «Собрания» на современном этапе развития науки о поздней Античности [Brandes, Leppin]. Этот призыв и последовавшие за ним опубликованные исследования не привели к пересмотру основных положений старой библиографии, утверждающей подлинность «Собрания».

Обстоятельства событий 7–9 декабря 531 г., когда папа Бонифаций II принял в Риме явившихся из Фессалии челобитчиков, только в новейшее время стали предметом обстоятельного исследования, проведенного Домиником Моро [Moreau, 2016]. В задачи его работы входило изучение функционирования папского престола как апелляционной инстанции, а также прояснение положения Иллирика на фоне церковно-политических событий и богословских споров начала 30-х гг. VI в.

Между тем, обстоятельства событий декабря 531 г. в Риме предоставляют материал и для других важных наблюдений, касающихся функционирования церковных институтов на территории Иллирика. Сам по себе эпизод церковного суда константинопольского патриарха и его собора над иллирийским митрополитом, вопросы церковной юрисдикции и практики канонического правоприменения в связи с делом Стефана Ларисского представляют значительный интерес для исследования.

Таким образом, нами будет рассмотрен ряд вопросов, таких как церковно-правовой статус заседания в Риме при папе Бонифации в 531 г., обстоятельства и канонические основания дела Стефана Ларисского, а также роль и место константинопольского архиепископа как в деле фессалийского митрополита, так и в Иллирике в целом.

В конце 531 г. в Рим прибыла делегация из Фессалии во главе с Феодором, епископом города Эхина³, который выступил ходатаем перед папой римским за Стефана, низложенного епископа главного города Фессалии Лариссы. Феодор привез послания Стефана, обращенные к римскому епископу, и представил их Бонифацию II в ходе церковного собрания Римской церкви, состоявшегося в декабре 531 г. В собрании под председательством папы участвовало три

³ Эхин (Εχίνος) — городок в Фессалии [Koder, Hild, p. 152].

субурбикарных епископа, греческий епископ Абундантий Димитриадский, тридцать девять римских пресвитеров и четыре диакона, а также нотариий.

От раннего периода истории Римской церкви у нас сохранилось немного актов римских соборов, однако их число достаточно для того, чтобы судить о том, как они проходили и кто принимал в них участие⁴. В этой связи бросается в глаза то обстоятельство, что состав участников собрания, на котором выступил епископ Эхинский, не позволяет считать последнее собором⁵. Под собором канонами понимается собрание епископов той или иной церковной области во главе с их «первым» (πρῶτος) епископом, созванное для выработки и принятия решений, относящихся к церковному управлению областью. Областной собор в идеале должен был включать всех епископов данной области (обычно такой областью считалась провинция), явившихся лично или присылавших своих полномочных представителей. При этом собрание городских клириков во главе с епископом собором не считалось и канонической регламентации не подвергалось.

Известные нам соборы Римской церкви насчитывали десятки епископов. Присутствие иных клириков вполне допускалось, однако они не участвовали в принятии решений, которое достигалось через консенсус присутствовавших епископов, обычно следовавших мнению «первого». По свидетельству папы Льва Великого (440–461), содержащемуся в письме епископам Сицилии, римские соборы проводились ежегодно «в третий день октябрьских календ» (*ad diem tertium kalend. Octobr.*) [PG, col. 702В; см. Грацианский, 2017, с. 63–67]. Поскольку каноны предписывают проводить областные соборы по возможности два раза в год, то при анализе данных о сохранившихся римских соборах можно прийти к выводу, что другим временем для проведения римского собора был март⁶. Согласно традиции Римской церкви, на римские соборы съезжались епископы «субурбикарных» провинций, входивших в диоцез *Italia Suburbicaria* [Haller, p. 84–86, 95–96; Грацианский, 2017, с. 63].

Ввиду вышеизложенного совершенно очевидно, что собрание 531 г. не было собором Римской церкви: ни по составу участников, ни по времени проведения оно не соответствует параметрам поместного собора. Очевидным образом это было всего лишь собрание римского клира, на котором присутствовали оказавшиеся в это время в городе два субурбикарных епископа и гость — греческий епископ.

⁴ Ср., к примеру, римские соборы 465, 487, 499, 501, 502 гг., от которых сохранились списки присутствовавших епископов и иных клириков: [Thiel, p. 159–160, 259–260, 642–643, 648–651, 667–670, 692–695].

⁵ Между тем, собором данное мероприятие называется всеми без исключения исследователями с самого начала научного изучения этого события. См., к примеру, первое издание, в котором, по нашим наблюдениям, заседания начала декабря 531 г. были названы собором: [Labbé, Cossart, p. 1690–1699]. Ср.: «Большинство историков поздней Античности осведомлены, что в Риме в 531 г. был проведен собор» (здесь и далее перевод наш. — М. Г.) [Mogeanu, 2016, p. 365].

⁶ Из других известных нам соборов один заседал 19 ноября 465 г. при папе Иларе (461–468); 5 октября 485 г. и 13 марта 487 г. при папе Феликсе III (481–492), 13 марта 495 г. при папе Геласии (492–496) [Thiel, p. 159–169, 437–447].

Из этого обстоятельства, очевидно, вытекает вывод: указанное собрание не имело полномочий рассматривать дело, предложенное Феодором Эхинским от имени митрополита Стефана Ларисского. В сущности, из текста видно, что этого и не происходит: Феодору дают возможность представить последовательно две челобитные Стефана и послание его сторонников, эти документы зачитываются и приобщаются к протоколам заседания [Coll. Thess., p. 8, 12, 15]. Далее Феодор предлагает рассмотреть ряд документов, которые подтверждают права римского епископа на церковное управление Иллириком, а также проверить их подлинность посредством сравнения с теми, что хранятся в папском архиве (*scrinium*). Бонифаций дает распоряжение зачитать тексты и проверить их подлинность [Ibid., p. 16.101–103]. Затем приводится подборка писем римских понтификов в количестве двадцати семи, на чем содержание рукописи заканчивается.

Итак, из сохранившейся части актов церковного собрания 531 г. видно, что папа Бонифаций ознакомился с делом Стефана Ларисского, однако не высказался по его сути. Кроме того, нигде не указано, что папа принял это дело к рассмотрению или заявил, что оно относится к его компетенции. Все приведенные реплики папы — строго протокольные. Они носят технический характер и не касаются содержания дела.

Перейдем теперь к анализу трех посланий, касающихся дела Стефана Ларисского⁷. В первой челобитной, зачитанной на собрании, Стефан, после риторического вступления, в котором он призывает папу обратить внимание на его несчастья, излагает обстоятельства своего рукоположения. После смерти митрополита Ларисского Прокла были выдвинуты три кандидата на замещение кафедры, из которых Стефан оказался обладающим «лучшим свидетельством» (*meliori testimonio*), благодаря чему и удостоился избрания. Так, по его словам, вопреки своему желанию он оказался епископом. Его избрание было принято клиром, народом и теми, «чье согласие было необходимым для [этого] действия» (*quorum adsensus erat actui necessarius*), и скреплено подписями. После чего собрался «святой собор провинции» (*sancta provinciae synodus*)⁸, а также сошлись «все владельцы города и всё тело церкви» (*totius civitatis possessores omneque corpus ecclesiae*)⁹, ставшие свидетелями на его рукоположении [Coll. Thess., p. 3–4].

Избрание и рукоположение прошли, по словам Стефана, столь радостно и единодушно, что он «счел излишним предавать слуху» (*superfluum iudicavi vestris auribus intimare*) папы свое избрание [Ibid., p. 4.65–66]. Однако в то время как «дело пребывало в мире» (*res erat in pace*), несколько клириков, а также два епископа, в том числе Пробиан Димитриадский¹⁰, направились «в царственный

⁷ Изложение процедуры заседаний: [Лепорский, с. 174–181; Caspar, p. 206–209; Moreau, 2016, p. 390–393].

⁸ Имеются в виду провинциальные епископы.

⁹ Подразумеваются видные граждане города и городской клир.

¹⁰ Епископ-суффраган ларисского митрополита. О Димитриаде см.: [Koder, Hild, p. 144–145].

град» (*ad regiam urbem*) и передали патриарху Епифанию жалобу, содержащую обвинение Стефана в неканоническом рукоположении, а также требование поставить вместо него другого епископа [Coll. Thess., p. 5.81–85].

Рассмотрев это обвинение, Епифаний направил указание (*commonitorium*) своему диакону и нотарию Андрею отправиться в Фессалию и удалить Стефана с кафедры как рукоположенного вопреки канонам. По словам Стефана, «без расследования обвинений, без канонического вызова [в суд] (*canonica evocacione*), он приостановил общение со мной (*a mea communione suspendit*) других епископов той самой провинции, а также клир нашей святой церкви» [Ibid., p. 5.101–103]. Без всякого «судебного разбирательства» (*examinatio iudicii*) Стефан был объявлен изблеченным (*convictus*). В результате Стефан был оставлен без средств к существованию, в то время как патриарший диакон привлек к ответственности также ряд епископов, участвовавших в рукоположении Стефана, — Сперакия Гомфского, Элпидия Фивского и Стефана Ламийского [Ibid., p. 5–6].

Впрочем, по прибытии в Лариссу Андрей не застал там Стефана, который перед тем отбыл в Фессалонику. Он зачитал ларисскому клиру приговор константинопольского патриарха, составил протоколы собрания (*gesta*) и заверил их у городского дефенсора (*defensor civitatis*). Эти протоколы Стефан прилагает к своей челобитной папе. Далее Андрей отбыл в Фессалонику, где повстречал Стефана и других обвиняемых епископов и сообщил им обо всем произошедшем. Новость о низложении вызвала у Стефана резкий протест, который заключался в его несогласии с тем, что его дело имел право судить патриарх Константинопольский.

Упомянув далее, что у него имеются документы, относящиеся к его рукоположению, постановление об избрании и рекомендательные («похвальные») свидетельства (*decretum in me factum et titulos laudis*), Стефан высказывает пожелание, чтобы от суда над ним «устранилась некомпетентная персона» (*incompetens se persona subtraheret*), имея в виду патриарха Константинопольского Епифания. Далее он сообщает, что «против своего желания» он был уведен в Константинополь (*invitus ad regiam urbem sum deductus*), где — насколько можно понять из текста, который в данном месте становится не очень ясным, — он был брошен в тюрьму, в которой ожидал для себя дальнейших бедствий, полагая свою надежду только на вмешательство и суд своего адресата, «которого святые каноны в этом деле определили судьей» [Ibid., p. 7.166–167].

На том же заседании Бонифацию была зачитана и вторая челобитная Стефана, которая отличается от первой целым рядом существенных деталей [Ibid., p. 9–12]. Прежде всего, она короче и менее подробна, написана более сухим и деловым стилем. В ней отсутствуют пространные ламентации, жалобы на несправедливость, характерные для первого послания. Изложение хода событий, приведших к низложению Стефана, представляет собой сжатое резюме того, что было в первом послании. Если там Стефан пишет, что его обвинители инкриминировали ему неканоническое поставление, то во второй челобитной он заявляет следующее: «Видя, что моим стремлением является восстановить

в наших церквях древний обычай... меня, надеющегося, они обвинили перед блаженнейшим предстоятелем святого царского города» [Coll. Thess., p. 9.20–23]¹¹. После вынесения решения константинопольский патриарх направил своего клирика, имя и должность которого в этот раз Стефаном не называются, в Фессалию.

Действия диакона Андрея в Лариссе на этот раз Стефаном не упоминаются: он сразу говорит о приезде первого в Фессалонику и своей встрече с ним. На попытку патриаршего диакона исполнить приговор патриарха в отношении Стефана, последний заявил ему: «Апостольскому престолу, — т. е. [престолу] Вашего блаженства, — подобает и заслушивать, и оканчивать дела нашей провинции (*causas nostrae provinciae et audire convenit et finire*)» [Ibid., p. 10.35–36]. Отметим здесь, что в первой челобитной Стефан говорит в данном случае о правах папы гораздо пространнее, а также опускает то обстоятельство, что он находился в Фессалонике вместе с несколькими своими суффраганами.

Далее, в отличие от первой челобитной, фактически опровергая свои же слова о том, что патриарх не прибег «к каноническому вызову [в суд]», он прямо заявляет, что от патриарха ему было предписание явиться в Константинополь, куда он и прибыл [Ibid., p. 10.36–38]¹². Здесь следует отметить, что тем самым ставится под сомнение неоднократное утверждение Стефана о том, что патриарх уже решил дело Стефана и вынес приговор о его низложении в его отсутствие: если бы это было так, едва ли он стал бы требовать явки Стефана в Константинополь. На основании этого можно сделать вывод о том, что диакон Андрей очевидным образом был направлен патриархом, чтобы всего лишь вызвать Стефана в суд.

Прибыв в Лариссу, Андрей не застал там Стефана и отправился за ним далее в Фессалонику, в которую тот ранее с неизвестной целью прибыл. В пользу нашего предположения говорит также и то, что находясь в Лариссе, Андрей не сделал никаких приготовлений к избранию нового епископа вместо якобы уже низложенного патриархом Стефана¹³. Именно в Лариссе Андрей должен бы узнать о том, что Стефан отбыл в Фессалонику.

Д. Моро также задается вопросом, с какой целью Стефан мог прибыть в Фессалонику [Moreau, 2016, p. 382–384]. Впрочем, вместо попытки предложить ответ на этот вопрос, он, — на наш взгляд, совершенно неуместно, — делает предположение о том, что фессалоникский архиепископ находился в конфликте с церквями Иллирика, ссылаясь при этом на события 511–518 гг., предшествовавшие восстановлению общения Востока с Римом после смерти императора Анастасия (491–518), а также [Ibid., p. 385, n. 50] делает предположение о том, что фессалоникский архиепископ в 531 г. был среди православных-халкидонитов *persona*

¹¹ В сохранившемся тексте в месте, обозначенном в нашем переводе многоточием, присутствует лакуна.

¹² Д. Моро не усматривает в этом эпизоде противоречия, рассматривая показания обоих писем как дополняющие друг друга [Moreau, 2016, p. 381–382].

¹³ Очевидно, что распоряжение приостановить общение епископов и клириков Фессалии со Стефаном, упомянутое в первой челобитной, было не признаком состоявшегося низложения последнего, а мерой, принятой до рассмотрения его дела в патриаршем суде.

non grata, — ни на чем, с нашей точки зрения, не основанное, поскольку события 511–518 гг. не имеют прямого отношения к церковно-политической обстановке 531 г. Как те события объясняют цель приезда в Фессалонику Стефана, из изложения Д. Моро остается, по нашему мнению, также непонятным. Дальнейшее предположение Д. Моро о том, что Стефан поехал в Фессалонику искать поддержки архиепископа или иных лиц [Moreau, 2016, p. 384–385], также вызывает удивление, поскольку очевидно, что Стефан впервые узнал о том, что его в чем-то обвиняют, уже находясь в Фессалонике, от приехавшего туда Андрея¹⁴.

Между тем, факт пребывания Стефана в Фессалонике и то обстоятельство, что он ничего не говорит о целях своего визита туда, весьма красноречив. Стефан ни разу не упоминает фессалоникского епископа: ни как легитимирующую избрание иллирийских митрополитов инстанцию, ни как апелляционную инстанцию для рассмотрения своего дела на основании 9-го и 17-го канонів Халкидонского собора. Вместо этого он неожиданно заявляет, что дело фессалийского митрополита должен рассматривать папа римский. Между тем, иллирийские епископы приняли активное участие как в Халкидонском соборе в целом, так и в обсуждении и принятии его канонів, не исключая 9-го и 17-го¹⁵, однако странным образом Стефан ничего не знает о судебных прерогативах фессалоникского архиепископа, как экзарха диоцеза, в отношении его кафедры¹⁶. Иначе что бы помешало ему там же на месте призвать последнего выступить арбитром в этом деле?

В отличие от первой челобитной, где Стефан утверждает, что он против своей воли был «отведен» (*invitus ad regiam urbem sum deductus*) в столицу, во второй он говорит, что прибыл туда сам и, по-видимому, без принуждения [Coll. Thess., p. 10.38]. Иначе чем в первой челобитной представляет Стефан и свое поведение в Константинополе. Прежде всего, он настаивает на том, что распоряжение прибыть в столицу и предстать перед церковным судом было издано «вопреки канонам» (*contra canones*). В столице он предстал перед «пребывающим собором» (*σύννοδος ἐνδημοῦσα*), который собрал патриарх [Coll. Thess., p. 10.38–39]. По словам Стефана, он заявил собору, что тот не полномочен рассматривать его дело, поскольку это противоречит «обычаю» его епархии (*provincia*), согласно которому право суда (*audiencia*) в Фессалии якобы принадлежало римскому епископу и потому он «умолял, чтобы авторитет апостольского престола (*auctoritas sedis apostolicae*), который был дан нашим Господом Иисусом Христом и был сохранен посредством древнего обычая (*per antiquam consuetudinem*), ни в чем

¹⁴ По непонятной нам причине Д. Моро предполагает, что Андрей должен был направиться не в Лариссу, а сразу в Фессалонику, в которой в это время находился Стефан [Moreau, 2016, p. 385]. Но каким образом он заранее должен был знать о том, что Стефана в Лариссе нет?

¹⁵ Ларисского митрополита Вигилиянтя представлял на Халкидонском соборе епископ Димитриадский Константин; [ACO, p. 57.16–17].

¹⁶ Этот факт отмечается уже И. Фридрихом: «В этом отношении весьма примечательно, что в апелляциях епископа Стефана Ларисского права верховного митрополита Фессалоникского прямо-таки игнорируются» [Friedrich, S. 777].

не был нарушен» [Coll. Thess., p. 10.39–44]. Между тем, по мнению Стефана, патриарх Константинопольский взялся за это дело с тем только намерением, чтобы «казалось, что он является господином и судьей (*dominus atque iudex esse videatur*) во святых церквях Фессалии» [Ibid., p. 10.44–48].

Таким образом, Стефан направил римскому понтифику письмо с изложением этих обстоятельств [Ibid., p. 10.50–51]. Предваряя, по его словам, возможное папское решение по этому делу, противники Стефана вынесли приговор, в результате которого он был низложен и лишен епископского звания [Ibid., p. 11.59–60]. Таким образом, следует подчеркнуть, что, вопреки утверждениям первого письма Стефана, никакого заочного осуждения не было: суд над ним состоялся в Константинополе в его присутствии и завершился не в его пользу. Тем самым приходится констатировать, что второе послание содержит заметные расхождения с первым в изложении важных деталей дела. Его главный посыл сводится к многократным утверждениям о праве папы судить дело Стефана и о папском примате в целом.

Трудно сказать, в чем именно обвиняли ларисского митрополита. Если в первом обращении к папе он говорит, что ему инкриминировалось неканоническое поставление, то во втором он утверждает, что пострадал за то, что пытался соблюсти «древний обычай» своей церкви. Поскольку в посланиях Стефана сквозной темой является утверждение прав римского престола в Фессалии, которые описываются также как «древний обычай», то напрашивается вывод о том, что именно этот аспект мог послужить поводом к обвинениям Стефана. Во всяком случае, во втором письме подчеркивается именно он, причем автором противопоставляются якобы древние права римского престола в Фессалии и «притязания» константинопольского патриарха.

Между тем, каноническую основу претензий Стефана едва ли можно назвать прочной. В первом послании он намекал на то, что он надеется на суд как папы, так и императора (*iudicio serenissimi imperatoris*) [Ibid., p. 5.92–93]¹⁷. Император являлся естественной апелляционной инстанцией для митрополита, недовольного судом константинопольского патриарха. Причем эта инстанция была как абсолютно законна, так и надежна: у нас есть яркие примеры того, как император отменял решения константинопольского патриарха. При этом апелляции к папам против константинопольского патриарха обычно только усугубляли положение истцов [ср.: Грацианский, 2015]. В ситуации же, когда Стефан с самого начала и в весьма резких выражениях заявлял о некомпетентности константинопольского иерарха судить фессалийского митрополита, причем говорил это в лицо уполномоченным патриарха и членам его собора, дело его выглядело заведомо безнадежным¹⁸.

¹⁷ Таким образом, Д. Моро ошибается, утверждая, что «Юстиниан, обычно ревностный в вопросах религии, совершенно не упоминается в соборных актах, как будто он вовсе не был вовлечен» [Moreau, 2016, p. 399].

¹⁸ Ср.: «В этом случае присутствует некоторое отклонение от процедуры, поскольку письменные апелляции теоретически подавались на суд низшей инстанции, однако Константинополь себя в качестве таковой не рассматривал. Тем самым апелляция Стефана к Бонифацию II весьма необычна» [Moreau, 2016, p. 395].

Затруднительно предположить, о каких канонах вел речь Стефан, утверждая, что Епифаний Константинопольский не имел права судить его. Между тем, нетрудно привести нормативные акты как государственного, так и церковного происхождения, которые бы подтверждали права столичного архиерея рассматривать дело Стефана. Первым таким актом, по-видимому, следует считать эдикт императора Феодосия II (408–450) от 14 июля 421 г., согласно которому епископам «во всех провинциях Иллирика» следовало в «сомнительных вопросах» (*si quid dubietatis emerit*) обращаться к «священническому собранию и святому суду» (*conventui sacerdotali sanctoque iudicio*) константинопольского предстоятеля [Cod. Theod., p. 852]. Другим постановлением, дающим права суда константинопольскому престолу, является уже упомянутое выше 17-е правило Халкидонского собора: «если кто будет обижен собственным митрополитом, пусть судится у экзарха диоцеза или у престола Константинополя...». Тем самым, выдвинувшие иск против Стефана епископы действовали на основании этого, к тому времени уже давно принятого канона, и нарушения прав юрисдикции папы римского в этой ситуации не просматривается.

Следует также обратить внимание на другой аспект: истцы не предприняли попытки подать апелляцию экзарху диоцеза, которым в данном случае был епископ Фессалоникийский — предстоятель главного города диоцеза Македония, в состав которого входила провинция Фессалия. Следует еще раз обратить внимание на то, что хотя Стефан после своего избрания и прибыл в Фессалонику, однако ничто не указывает на то, что он прибыл туда по церковным делам: к примеру, за получением утверждения на свое избрание или хотя бы для передачи синодики (последнее, впрочем, не требовало личного присутствия). Епископ Фессалоники вообще не упоминается в посланиях Стефана как фактор церковной политики данного региона, обуславливающий легитимность избрания и соборной деятельности диоцезальных митрополитов. Оспаривая легитимность константинопольского патриарха как судьи восточноиллирийских провинций и отстаивая права папы римского, Стефан нигде не упоминает о существовании промежуточной инстанции — так называемого «фессалоникского папского викариата», которому, согласно материалам *Collectio Thessalonicensis*, якобы принадлежало право «попечения» над епархиями Восточного Иллирика и к которому должны были бы обращаться с иском недовольные ларисским митрополитом фессалийские епископы-суффраганы [Coll. Tess., p. 42.29–36; 55.61–70].

Нет речи о фессалоникском предстоятеле и в послании сотоварищей Стефана — Элпидия, епископа Фив, Тимофея, епископа Диокесарии¹⁹, и Патрикия, пресвитера из Ламии [Coll. Thess., p. 15.52–59]. Пострадавшие вместе со Стефаном духовные лица также сообщают, что по делу ларисского митрополита константинопольским патриархом было принято решение о низложении, причем

¹⁹ В сохранившемся тексте присутствует явная ошибка: города Диокесария в Фессалии не было. Очевидно, произошла контаминация двух фессалийских городов — Диоклетианополя и Кесарии [Koder, Hild, p. 52, n. 74; ср.: Brandes, Leppin, p. 264 и n. 15; Moreau, 2016, p. 387, n. 57].

добавляют также и то, что Стефану помимо низложения был запрещен въезд в Фессалию [Coll. Thess., p. 14.17].

Последнее обстоятельство представляется весьма примечательным, поскольку подобное запрещение не могло исходить от церковных властей. По-видимому, в дело оказалась вовлечена и светская власть: только ее решением человек мог быть лишен свободы передвижения, тем более если это касалось возвращения к месту жительства. Отсюда можно сделать и предположение относительно причины, по которой Стефан оказался низложен. В начале своей первой челобитной, приступая к рассказу о своем избрании митрополитом, Стефан говорит о себе следующее: «Ведь в моей мирской жизни я принадлежал к сословию провинциальных служащих (*provincialis ordo militiae*)...» [Ibid., p. 3.32–33]²⁰. Из этого вполне резонно предположить, что либо Стефану, как представителю сословия куриалов было запрещено вступление в клир без выполнения определенных условий, либо же он стал епископом непосредственно из светского состояния, не пройдя прежде предшествовавших ступеней клира, что противоречило уже канонической практике. Мы склоняемся к первому предположению, поскольку в этом случае после своего низложения Стефан подлежал суду гражданской юрисдикции за нарушение светского законодательства, и именно этот суд и запретил ему возвращение в Фессалию. Передачей дела в суд гражданской юрисдикции можно также легко объяснить слова Стефана, в которых он возлагал надежду на решение своего дела со стороны императора.

В ситуации, когда Стефан, по-видимому, не мог рассчитывать на оправдательный приговор императора, он и его сторонники решили обратиться к римскому епископу, в качестве предлога выставив тот аргумент, согласно которому право разбирать подобное дело принадлежало папе. Поскольку Стефан потерпел неудачу в решении своего дела как у патриарха Константинопольского, так и, по-видимому, у императора, то, подавая апелляцию римскому епископу, он естественно выставлял дело так, что пострадал за свою приверженность папским прерогативам²¹. Вряд ли его пропапскую риторику следует принимать за чистую монету: в сохранившихся апелляциях восточных епископов папе она является делом обычным и вполне объяснимым. Впрочем, о прерогативах папы истцы с Востока обычно вспоминают лишь после того, как все их попытки решить свое дело законным путем на Востоке терпят неудачу. Заявления Стефана о папской юрисдикции были настолько очевидно ничтожны канонически, что их едва ли могли принять в Константинополе всерьез, даже если считать, что Стефан действительно выставил себя поборником папских прерогатив²².

²⁰ Об *ordo militiae* см.: [Moreau, 2016, p. 380, n. 37].

²¹ То обстоятельство, что Стефан также безуспешно подавал апелляцию императору, не замечено в анализе Д. Моро.

²² Таким образом, Д. Моро едва ли прав, предполагая, что столичный собор счел слова Стефана угрозой положению константинопольской кафедры и принял меры для ее нейтрализации: «Хуже того: его многочисленные запросы об апелляции были превратно истолкованы как попытка приуменьшить законную власть церкви императорского города» [Moreau, 2016, p. 389].

Приведем перевод соответствующего пассажа: «Но вышеупомянутый боголюбивый муж не раз засвидетельствовал под протокол (*inter acta contestatus est*), что не святейшему предстоятелю царственного града, а также не синоду (*synodum*), который с ним собрался, подобает брать на себя это слушание [дела] (*istam audientiam adsumere*), а тем более нечто постановлять, но апостольскому престолу, то есть Вашему блаженству. Они же, презрев его свидетельство и из-за него еще больше возбудившись, вынесли безжалостный приговор (*sententiam*): удалив его, как пожелали, от нашей святой церкви, они стали присваивать себе право [суда] над нашей провинцией (*ius in nostra provincia*) с тем, чтобы таким примером... никто не дерзал ни говорить что-либо о праве²³ наших святых церквей, ни упоминать о древности или о том, что до сих пор было принято, поскольку их стремлением является подчинить нас, несчастных, рукоположению и праву святой церкви царственного града (*sub ordinacionem et ius sanctae regiae civitatis ecclesiae*)» [Coll. Thess., p. 14.17–30].

Поскольку каноны предписывают клирику повиноваться решению законной судебной инстанции, апелляция на которое запрещалась, единственным выходом для Стефана и его сотоварищей было сделать вид, что константинопольский собор не был законной инстанцией. Между тем очевидно, что истцы, подавшие иск константинопольскому епископу и его собору против ларисского митрополита, действовали в строгом соответствии с каноническими предписаниями. 9-е правило Халкидонского собора гласило: «Если же епископ или клирик ведет спор с митрополитом той же митрополии, пусть обратится или к экзарху диоцеза, или к престолу царствующего Константинополя и от него да судится» [Троицкий, с. 58]²⁴. Согласно данному правилу, дело против митрополита могло быть предоставлено не формальному суду собора, а посредническому суду экзарха диоцеза или константинопольского патриарха. Как отмечает С. В. Троицкий, в последнем случае инициатива в выборе судьи отдается каноном истцу, апелляция же на приговор посреднического суда исключалась²⁵, причем императорское законодательство предусматривало контроль светских властей за исполнением такого приговора [Там же, с. 59–62].

Тем самым Стефан Ларисский и его сотоварищи оказались в трудном положении: с одной стороны иск Стефана, поданный в Рим, по сути являлся апелляцией на уже имеющееся решение, однако они пытались придать ему характер первичного иска с тем, чтобы предстать не ответчиками, а истцами, имеющими право самим избирать судебную инстанцию. Да и сам предмет иска

²³ Можно предположить, что в греческом оригинале могло стоять слово *πρεσβεία*, являющееся в греческом техническим термином для обозначения прав церквей. На латинский язык оно регулярно переводится как *jus* или *primatus*.

²⁴ Текст канона: [COGD, p. 142; ср.: Moreau, 2016, p. 375].

²⁵ Согласно закону императоров Аркадия и Гонория от 408 г. на имя префекта претория Феодора: «Епископский суд да будет незыблемым (*ratum*) для всех, кто предпочтет, чтобы его дело заслушивалось священниками (*se audiri a sacerdotibus elegerint*), а к их приговору (*iudicationi*) следует отнести с тем же почтением, которое необходимо воздавать и вашим распоряжениям (*vestris... potestatibus*), на которые не подает подавать апелляцию (*provocare*)» [CIC, p. 40].

остаётся не вполне понятным: просил ли Стефан папу рассмотреть дело, возбужденное против него истцами в Константинополе, или же дело о пределах компетенции константинопольского епископа, якобы незаконно взявшего на себя рассмотрение его дела? Должен ли был папа рассмотреть первичные обвинения или просто отменить решение константинопольского собора и назначить пересмотр дела, вызвав обвинителей Стефана в Рим? Эти важные для данного дела вопросы, к сожалению, вынужденно остаются без ответа ввиду состояния нашего источника.

Таким образом, можно констатировать, что дело Стефана Ларисского является прекрасным примером применения 9-го и 17-го правил Халкидонского собора и тем самым иллюстрацией функционирования константинопольской кафедры как инстанции для разбора дел, ответчиками по которым выступали митрополиты. Дело Стефана, с другой стороны, едва ли годится в качестве иллюстрации функционирования римской кафедры как всецерковной апелляционной инстанции, чему была посвящена неоднократно упоминаемая здесь статья Д. Моро. Вопреки его подходу, следует говорить не о развитии папского престола как апелляционной инстанции, а о последовательных попытках реализовать претензии на такой статус²⁶, причем главным образом посредством подтасовки никейских канонов.

Решение Константинополя в отношении Стефана было проведено в жизнь, при том что Рим впоследствии, похоже, уже не рассматривал это дело и не выносил о нем решения [Coll. Avell., р. 337–338]. Даже если согласиться с тем, что в послании папы Агапита от 535 г. действительно речь идет о деле Стефана Ларисского, можно видеть, что Рим боролся лишь за право вновь рассмотреть дело Стефана, а не за то, чтобы провести свое уже принятое решение в жизнь. Константинополь же имел не только возможность решить дело, но и инструменты для проведения его в жизнь²⁷.

В силу этого документы «Фессалоникского собрания» отнюдь не являются, пользуясь словами Д. Моро, «выдающимся свидетельством теоретической и правильной процедуры, которой надо следовать в случае апелляции» [Moreau, 2016, р. 395], наоборот — они демонстрируют, что для Востока в этот период папский престол по-прежнему не имел статуса признанной апелляционной инстанции. Тем самым события 531 г. никак нельзя считать примером «осуществления примата папской юрисдикции» (*exercitium primatus iurisdictionis papae*), как это применительно к содержанию «Собрания» несколько легковесно заявил его издатель К. Сильва-Тарука [Coll. Thess., р. XIII].

²⁶ По мнению Д. Моро, папская апелляционная инстанция была «реальным учреждением» [Moreau, 2016, р. 393].

²⁷ Обратим внимание, что Стефан Ларисский — хотя, естественно, и без желания, — подчиняется посланнику Константинопольского патриарха.

Источники

ACO — Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. T. II, Vol. I, Pars I. Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter & Co, 1933.

CIC — Corpus iuris civilis / Rec. P. Krueger. Bd. II. Berlin : apud Weidmannos, 1954.

Cod. Theod. — Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, P. Meyer. Berlin : apud Weidmannos, 1895.

COGD — Conciliorum oecumenicorum generaliumque decreta / ed. Gi. Alberigo. Turnhout : Brepols Publishers, 2006.

Coll. Avell. — Epistulae imperatorum pontificum aliorum inde ab A. CCCLXVII usque ad A. DLIII datae Avellana quae dicitur Collectio / Ed. O. Günther. Pars I. Prag ; Wien ; Leipzig : F. Tempsky, G. Freytag, 1895.

Coll. Thess. — Epistularum Romanorum Pontificum ad vicarios per Illyricum aliosque episcopos Collectio Thessalonicensis / Ad fidem codicis Vat. Lat. 5751 recensuit C. Silva-Tarouca S.I. Romae : Pontificia Universitas Gregoriana, 1937. (Textus et documenta in usum exercitationum et praelectionum academicarum ; 22).

MGH — Monumenta Germaniae Historica. Epistulae. T. VI. Berolini : apud Weidmannos 1925. (Epistulae Karolini aevi ; T. IV).

PG — Sancti Leonis Magni Romani pontificis Opera omnia // Patrologiae cursus completus. Series Latina / ed. J.-P. Migne. Paris : J.-P. Migne, 1846. T. 54.

Thiel — Epistulae Romanorum pontificum genuinae et quae ad eos scriptae sunt a s. Hilario usque ad Pelagium II / Rec. A. Thiel. T. 1. Brunsbergae : in aedibus Eduardi Peter, 1868.

Исследования

Грацианский М. В. Дело Иоанна Талайи и начало «акакианской схизмы» (484 г.) // Византийский временник. 2015. Т. 74. С. 31–46.

Грацианский М. В. Властные prerogative римской кафедры в пределах Италии в понтификат Льва Великого (440–461) // Византийский временник. 2017. Т. 101. С. 57–75.

Грацианский М. В. Акты 531 года как оформление «Фессалоникского собрания»: экклезиологические и канонические аспекты дела Стефана Ларисского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II : История. История Русской православной церкви. 2020. Вып. 92. С. 19–38.

Лепорский П. И. История Фессалоникского экзархата до времени присоединения к Константинопольскому патриархату. СПб. : [б. и.], 1901.

Троицкий С. В. О смысле 9-го и 17-го канонов Халкидонского Собора // Журнал Московской патриархии. 1961. № 2. С. 57–65.

Anastos M. V. The Transfer of Illyricum, Calabria and Sicily to the Jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople in 732–33 // Anastos M. V. Studies in Byzantine intellectual history. London : Variorum Reprints, 1979. IX. P. 14–31.

Brandes W. Das Schweigen des Liber Pontificalis. Die „Enteignung“ der päpstlichen Patrimonien Siziliens und Unteritaliens in den 50er Jahren des 8. Jahrhunderts // Fontes Minores XII / Hrsg. von W. Brandes, L. M. Hoffmann, K. Maksimovič. Frankfurt-am-Main : Löwenklau-Gesellschaft E. V., 2014. S. 97–204.

Brandes W., Leppin H. Die *Collectio Thessalonicensis* — ein Forschungsdesiderat // Rechtsgeschichte — Legal History. 2011. № 18. S. 263–266.

Caspar E. Geschichte des Papsttums. Von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. 2. Tübingen : Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1933.

Friedrich J. Über die Sammlung der Kirche von Thessalonich und das päpstliche Vikariat für Illyricum // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der

königlichen bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. Jahrgang 1891. München : Verl. der Königlichen Akademie, 1892. S. 771–887.

Grumel V. Le Vicariat de Thessalonique et le premier rattachement de l'Illyricum oriental au patriarcat de Constantinople // *Annuaire de l'École des Législations Religieuses*. 1950–1951. P. 49–63.

Grumel V. L'annexion de l'Illyricum oriental, de la Sicile et de la Calabre au patriarcat de Constantinople // *Recherches de Science Religieuse* 40, *Mélanges Jules Lebreton* 2 (1951–1952). P. 191–200.

Haller J. Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit. Bd. 1. Urach ; Stuttgart : Port Verlag, 1950.

Jasper D., Fuhrmann H. Papal Letters in the Early Middle Ages. Washington DC : The Catholic Univ. of America Press, 2001.

Kéry L. Canonical Collections of the Early Middle Ages (ca. 400–1140). A Bibliographical Guide to the Manuscripts and Literature. Washington DC : The Catholic Univ. of America Press, 1999.

Koder J., Hild F. Tabula Imperii Byzantini. Bd. I (Hellas und Thessalia). Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wissenschaften, 1976.

Labbé Ph., Cossart G. Sacrosancta Concilia ad regiam editionem exacta. T. IV. Paris : Lutetiae Parisiorum, 1671.

Lotter F., Bratož R., Castritius H. Völkerverschiebungen im Ostalpen-Mitteldonau-Raum zwischen Antike und Mittelalter (375–600). Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2003.

Maassen F. Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abendlande bis zum Ausgange des Mittelalters. Bd. 1. Gratz ; Paris ; Turin ; Oxford : Verl. von Leuschner und Lubensky, A. Franck, Herrmann Loescher, James Parker & Co, 1870.

Markus R. A. Carthage – Prima Justiniana – Ravenna: An Aspect of Justinian's "Kirchenpolitik" // *Byzantion*. 1979. Vol. 49. P. 277–306.

Moreau D. The Papal Appeal Court in the Sixth Century. The Example of the Roman Synod of 531 // *Recht haben und Recht bekommen im Imperium Romanum. Das Gerichtswesen der römischen Kaiserzeit und seine dokumentarische Evidenz. Ausgewählte Beiträge einer Serie von drei Konferenzen an der Villa Vigoni in den Jahren 2010 bis 2012 / Hrsg. von R. Haensch. Warschau : [s. n.], 2016. P. 365–403.*

Moreau D. La *partitio imperii* et la géographie des Balkans: entre géopolitique et géo-ecclésiologie // *Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: Dalle chiese 'principali' alle chiese patriarcali. XLIII Incontro di Studiosi dell' Antichità Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015)*. Roma : Institutum Patristicum Augustinianum, 2017. (*Studia Ephemeridis Augustinianum*; 149). P. 255–285.

Schwartz E. Die sogenannte Sammlung der Kirche von Thessalonich // *Festschrift Richard Reitzenstein zum 2. April 1931 dargebracht von Ed. Fraenkel [und anderen]*. Leipzig ; Berlin : Teubner, 1931. S. 137–159.

Turlej S. Justiniana Prima: An Underestimated Aspect of Justinian's Church Policy. Krakow : Jagiellonian Univ. Press, 2016.

References

Anastos, M. V. (1979). The Transfer of Illyricum, Calabria and Sicily to the Jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople in 732–33. In M. V. Anastos, *Studies in Byzantine Intellectual History* (pp. 14–31). London: Variorum Reprints.

Brandes, W. (2014). Das Schweigen des Liber Pontificalis. Die „Enteignung“ der päpstlichen Patrimonien Siziliens und Unteritaliens in den 50er Jahren des 8. Jahrhunderts. In W. Brandes, L. M. Hoffmann, & K. Maksimovič (Eds.), *Fontes Minores XII* (pp. 97–204). Frankfurt-am-Main: Löwenklau-Gesellschaft E. V.

Brandes, W., & Leppin, H. (2011). Die Collectio Thessalonicensis — ein Forschungsdesiderat. *Rechtsgeschichte — Legal History*, 18, 263–266.

Caspar, E. (1933). *Geschichte des Papsttums. Von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft* (Vol. 2). Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).

Friedrich, J. (1892). Über die Sammlung der Kirche von Thessalonich und das päpstliche Vikariat für Illyricum. In *Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der königlichen bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. Jahrgang 1891* (pp. 771–887). Munich: Verlag der Königlichen Akademie.

Gratsianskiy, M. V. (2015). Delo Ioanna Talaii i nachalo “akakianskoi skhizmy” (484 g.) [The Case of John Talaia and the Beginning of the “Acacian Schism”]. *Vizantiiskii vremennik*, 74, 31–46.

Gratsianskiy, M. V. (2017). Vlastnye prerogativy rimskoi kafedry v predelakh Italii v pontifikat L'va Velikogo (440–461) [Prerogatives of Power of the Roman See within Italy during the Pontificate of Leo the Great (440–461)]. *Vizantiiskii vremennik*, 101, 57–75.

Gratsianskiy, M. V. (2020). Akty 531 goda kak obramlenie “Fessalonikskogo sobraniia”: ekklesiologicheskie i kanonicheskie aspekty dela Stefana Larisskogo [The Acts of 531 as a Framework for Collectio Thessalonicensis: Ecclesiological and Canonical Aspects of the Case of Stephanus of Larissa]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Serii II: Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 92, 19–38.

Grumel, V. (1950–1951). Le Vicariat de Thessalonique et le premier rattachement de l’Illyricum oriental au patriarcat de Constantinople. *Annuaire de l’École des Législations Religieuses 1950–1951*, 49–63.

Grumel, V. (1951–1952). L’annexion de l’Illyricum oriental, de la Sicile et de la Calabre au patriarcat de Constantinople. *Recherches de Science Religieuse*, 40, 191–200.

Haller, J. (1950). *Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit* (Vol. 1). Urach; Stuttgart: Port Verlag.

Jasper, D., & Fuhrmann, H. (2001). *Papal Letters in the Early Middle Ages*. Washington DC: The Catholic University of America Press.

Kéry, L. (1999). *Canonical Collections of the Early Middle Ages (ca. 400–1140). A Bibliographical Guide to the Manuscripts and Literature*. Washington DC: The Catholic University of America Press.

Koder, J., & Hild F. (1976). *Tabula Imperii Byzantini* (Vol. 1). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Labbé, Ph., & Cossart, G. *Sacrosancta Concilia ad regiam editionem exacta* (Vol. 4). Paris: Lutetiae Parisiorum.

Leporskiy, P. I. (1901). *Istoriiia Fessalonikskogo ekzarkhata do vremeni prisoesdineniia k Konstantinopol'skomu patriarkhatu* [The History of the Exarchate of Thessalonica till the Time of Its Attachment to the Patriarchate of Constantinople]. St Petersburg: [s. n.].

Lotter, F., Bratož, R., & Castritius, H. (2003). *Völkerverschiebungen im Ostalpen-Mitteldonauraum zwischen Antike und Mittelalter (375–600)*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.

Maassen, F. (1870). *Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abendlande bis zum Ausgange des Mittelalters* (Vol. 1). Gratz; Paris; Turin; Oxford: Verlag von Leuschner und Lubensky, A. Franck, Herrmann Loescher, James Parker & Co.

Markus, R. A. (1979). Carthage — Prima Justiniana — Ravenna: An Aspect of Justinian’s “Kirchenpolitik”. *Byzantion*, 49, 277–306.

Moreau, D. (2016). The Papal Appeal Court in the Sixth Century. The Example of the Roman Synod of 531. In R. Haensch (Ed.), *Recht haben und Recht bekommen im Imperium Romanum. Das Gerichtswesen der römischen Kaiserzeit und seine dokumentarische Evidenz. Ausgewählte Beiträge einer Serie von drei Konferenzen an der Villa Vigoni in den Jahren 2010 bis 2012* (pp. 365–403). Warsaw: [s. n.].

Moreau, D. (2017). La *partitio imperii* et la géographie des Balkans: entre géopolitique et géo-ecclésiologie. In *Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: Dalle chiese ‘principali’ alle chiese patriarcali. XLIII Incontro di Studiosi dell’ Antichità Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015)* (pp. 255–285). Roma: Institutum Patristicum Augustinianum.

Schwartz, E. (1931). Die sogenannte Sammlung der Kirche von Thessalonich. In *Festschrift Richard Reitzenstein zum 2. April 1931 dargebracht von Ed. Fraenkel [und anderen]* (pp. 137–159). Leipzig; Berlin.

Troitsky, S. V. (1961). O smysle 9-go i 17-go kanonov Khalkidonskogo Sobora [On the Meaning of Canons 9 and 17 of the Council of Chalcedon]. *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*, 2, 57–65.

Turlej, S. (2016). *Justiniana Prima: An Underestimated Aspect of Justinian's Church Policy*. Krakow: Jagiellonian University Press.

Грацианский Михаил Вячеславович

кандидат исторических наук, PhD
ведущий научный сотрудник Лаборатории
исследований церковных институций
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
127051 Москва, Лихов пер., 6/1, комн. 418
E-mail: gratsianskiy@mail.ru

Gratsianskiy, Mikhail Viacheslavovich

PhD (History), Leading Researcher
Ecclesiastical Institutions Research
Laboratory
St. Tikhon's Orthodox University
for the Humanities
6/1, office 418, Likhov Ln., 127051 Moscow,
Russia
Email: gratsianskiy@mail.ru